

**НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СОЦІОЛОГІЇ**

СОЦІАЛЬНІ ВИМІРИ СУСПІЛЬСТВА

Збірник наукових праць

Випуск 12

Київ – 2009

ББК 60.5
С69

С69 Соціальні виміри суспільства. Випуск 12. – К.: Інститут соціології НАН України, 2009. – 432 с.

Social dimensions. Issue 12. – K.: Institute of Sociology of NAS of Ukraine, 2009. – 432 p.

ISBN 978-966-0

Авторами збірника є співробітники, докторанти, аспіранти наукових установ та вузів України. Аналізуються актуальні теоретико-методологічні і практичні проблеми сучасного українського суспільства.

Для професійних соціологів, студентів гуманітарних вузів, політологів.

The authors of the volume are the scholars and post-graduate students of the research institutions and higher education establishments of Ukraine. The theoretical, methodological and practical problems of modern Ukrainian sociology, are analyzed in their papers.

The volume will be interesting for professional sociologists, political scientists, students of humanitarian high schools and universities.

ББК 60.5

Авторські права застережені. При використанні матеріалів даної публікації посилання на видання обов'язкове.

*Затверджено до друку Вченою радою Інституту соціології НАН України.
Протокол № від .*

ISBN 978-966-

© Інститут соціології НАН України,
2009

Зміст

РОЗДІЛ ПЕРШИЙ

<i>В.Резнік</i> Феномен легітимації як предмет теоретичної рефлексії Т.Парсонса	9
<i>В.Зорько</i> Гносеологічна характеристика стилів соціологічного мислення класичного періоду	25
<i>М.Булатевич</i> Поняття уречевлення в концепціях суспільства модерну Теодора Адорно та Юргена Габермаса	37
<i>Д.Александров</i> Категория “интерес” в социологии: история и современность	52
<i>І.Мартинюк, Н.Соболева</i> Соціальні інтереси: перспективи соціологічного дослідження	64
<i>П.Захарченко</i> Структуралізація соціально-економічних інтересів як предмет соціологічного аналізу: методичні аспекти	76
<i>Л.Малес</i> Зміни та тяглість приватності у сучасному українському суспільстві	87
<i>М.Наумова</i> Концептуалізація соціального у постмодерних дискурсах	97
<i>М.Диденко</i> Трансформація публичної сфери в епоху постмодерна: критический анализ работ Жана Бодрийяра	105
<i>Є.Мороз</i> Гене́за теоретичного змісту поняття “культурний капітал” у соціології	120
<i>Т.Загороднюк</i> Человеческий потенциал в концепции социетальной трансформации посткоммунистического общества Т.Заславской	129

<i>В.Тихонович</i>	
Психологія емоцій: із історії дискурсу	140
<i>С.Дембіцький</i>	
Інваріантно-матрична структура соціальної роботи	153
<i>В.Інклуд</i>	
Проблема оновлення в соціологічній теорії семантики категорії “соціалізація”	166
<i>Т.Стеценко</i>	
Становлення теорії довіри в соціології	177
<i>Р.Гоч</i>	
Довіра в економічних відносинах: огляд соціологічних інтерпретацій	188
<i>С.Узун</i>	
Гендер як соціальний інститут: спроба структурного аналізу ..	198
<i>К.Мелащенко</i>	
Життєвий успіх у гендерному вимірі: соціологічні розвідки ...	208
<i>Т.Теличко</i>	
Соціологічні теорії та їх перевірка методом моделей лінійних структурних рівнянь	220
<i>В.Казаков</i>	
Испытание временем: концепция “конца истории” Френсиса Фукуямы	231

РОЗДІЛ ДРУГИЙ

<i>О.Резнік</i>	
Громадянські практики: поняття, структура та форми прояву	242
<i>О.Злобіна</i>	
Європейський вибір в орієнтаціях молоді України	256
<i>О.Іваць</i>	
Українська ідентичність у контексті євроатлантичної інтеграції України	270
<i>А.Беленок</i>	
Динамика социально-экономических трансформаций украинского общества в оценках возрастных групп	276

<i>А. Зоткін</i>	
Стили життя населення невеликих міст України: політико-правові практики	290
<i>І. Ткаченко</i>	
Імідж політичного лідера в уявленнях населення України	303
<i>А. Панченко</i>	
Стереотипи в громадській думці: шляхи міжсуб'єктної взаємодії	319
<i>М. Паращевін</i>	
Релігійність та цінності особистості	327
<i>Н. Гусак</i>	
Тенденції розвитку інституту соціальної реабілітації: порівняння західноєвропейської та радянської моделей	337
<i>С. Буко</i>	
Менеджеры международных негосударственных организаций в Украине: деловой профиль	348
<i>І. Юрченко</i>	
Мотиваційні аспекти волонтерської діяльності	361
<i>І. Мажак</i>	
Сімейна медицина на етапі становлення: порівняльний аналіз України та Польщі	369
<i>І. Мацко</i>	
Досвід глибинних інтерв'ювань у дослідженні імобільної поведінки мешканців малого міста	378
<i>С. Кравцов</i>	
Професійно-технічна освіта: сучасний стан і перспективи розвитку	389
<i>О. Носіков</i>	
Нові освітньо-професійні стандарти як чинник розвитку професійної структури в Україні	399
<i>Е. Горошко</i>	
Интернет и становление информационного общества в Украине	407
<i>Н. Бойко</i>	
Цифрові технології в житті мешканців невеликого міста	417

Contents

CHAPTER ONE

<i>V.Reznik</i> Legitimation phenomenon as a subject of the Talcott Parsons's theoretical introspection	9
<i>V.Zorko</i> Gnoseological description of the sociological thinking styles in the classic period	25
<i>M.Bulatevich</i> Reification in the Theodor Adorno and Jurgen Habermas conceptions of the modern society	37
<i>D.Aleksandrov</i> Category of "interest" in sociology: history and the present	52
<i>I.Martyniuk, N.Soboleva</i> Social interests: sociological survey prospects	64
<i>P.Zakharchenko</i> Structuration of social and economic interests as a subject of sociological analysis: technical approach	76
<i>L.Males</i> Changes and continuity of privacy in the modern Ukrainian society	87
<i>M.Naumova</i> Concept of the 'social' in postmodern discourses	97
<i>M.Didenko</i> Public sphere transformation in the postmodern epoch: critical analysis of the Jean Baudrillard works	105
<i>E.Moroz</i> Genesis of the theoretical meaning of 'cultural capital' notion in sociology	120
<i>T.Zagorodniuk</i> Human potential in the Tatyana Zaslavskaya conception of post-communist societal transformation.....	129

<i>V. Tikhonovich</i>	
Psychology of emotions: coming to the history of discourse	140
<i>S. Dembitskiy</i>	
Invariant-matrix structure of social work	153
<i>V. Inkliud</i>	
Renewal problem in the sociological semantic theory of ‘socialization’	166
<i>T. Stetsenko</i>	
Sociological trust theory in the making	177
<i>R. Goch</i>	
Trust in economic relationships: sociological interpretations review	188
<i>S. Uzun</i>	
Gender as a social institute: attempt of structural analysis	198
<i>K. Melashchenko</i>	
Life success through the gender notion: sociological inquiries ...	208
<i>T. Telychko</i>	
Testing sociological theories by linear structural equation modeling	220
<i>V. Kazakov</i>	
Time testing: Francis Fukuyama conception of the end of history	231

CHAPTER TWO

<i>O. Reznik</i>	
Civil practices: concept, structure and forms of manifestation	242
<i>O. Zlobina</i>	
European choice in young people attitudes in Ukraine	256
<i>O. Ivats</i>	
Ukrainian identity in the context of Euro Atlantic integration of Ukraine	270
<i>A. Belenok</i>	
Dynamics of social and economic transformations of Ukrainian society based on the age groups estimates	276

A.Zotkin	
Small cities population life styles in Ukraine: political and juridical practices	290
I.Tkachenko	
Political leader image as seen by the population of Ukraine	303
A.Panchenko	
Public opinion stereotypes: the ways of inter-subject interaction	319
M.Parashchevin	
Religiousness and personal values	327
N.Gusak	
Institute of social rehabilitation development trends: comparison of the Western European and Soviet models	337
S.Buko	
Managers of international NGOs in Ukraine: business profile ...	348
I.Yurchenko	
Motivational aspects of volunteer activity	361
I.Mazhak	
Shaping family medicine: comparative analysis of Ukraine and Poland	369
I.Matsko	
Experience of in-depth interviewing in the research of immobile behavior of small town inhabitants	378
S.Kravtsov	
Vocational technical training: contemporary situation and future prospects	389
O.Nosikov	
New educational and occupational standards as a factor of occupational structure progress in Ukraine	399
E.Goroshko	
Internet and establishment of information-oriented society in Ukraine	407
N.Boyko	
Digital technologies in small city inhabitants life experience	417

*В.Казаков,
кандидат социологических наук*

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ: КОНЦЕПЦИЯ “КОНЦА ИСТОРИИ” ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ

Качественные изменения, которые стали происходить в мире в конце 80-х годов XX в., характеризующиеся Фукуямой как “нечто фундаментальное”, поставили перед наукой и политической практикой ряд проблем. Окончание “холодной войны”, поражение в ней Советского Союза, утверждение США в качестве единственной сверхдержавы в мире создали новую глобальную геополитическую ситуацию, вследствие которой возник вопрос о новом мировом порядке, его структуризации, механизмах управления и глобальных институтах, его реализующих, а также вопрос о новом социальном конфликте, его содержании и субъектах. Одним из первых на него попытался ответить Френсис Фукуяма в своей статье “Конец истории?” [1].

Внимание к ней обусловлено и рядом других обстоятельств. Во-первых, она была представлена публике летом 1989 г., в тот момент, когда еще существовал Советский Союз. И просто невероятными выглядели даже абстрактные предположения о возможности краха СССР, изменениях социально-экономической и политической систем в странах так называемого восточного блока. Однако Фукуяма писал, по существу, именно об этом, и с этой точки зрения его статья представляла собой некий теоретический прогноз ближайшего и несколько отдаленного будущего. В ней фиксируются принципы, сущность, содержание, особенности формирующегося нового миропорядка. Во-вторых, в силу последнего статья Фукуямы стала сенсацией, она привлекла к себе широкое внимание, была переведена на многие языки, вызвала значительную критику.

Можно сказать, что по своей роли, значимости она сопоставима с такой же принципиальной статьей “Столкновение цивилизаций?” С.Хантингтона. В-третьих, концепция Фукуямы претендует на объяснение хода, итогов и перспектив протекания мировой истории, особенно недавнего прошлого и ближайшего будущего. В ее рамках рассматривается развитие либерализма (консерватизма, неолиберализма) как единственной “жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение” [1, с. 148], на базе которой возникает универсальная западная либеральная демократия как окончательная форма правления.

Всю концепцию Фукуямы, пожалуй, можно коротко выразить в двух его основных тезисах. Первый: “То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления” [1, с. 134–135]. Второй: “Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив” [1, с. 134].

Но в чем, собственно, состоит “конец истории”? Во-первых, это наличие в обществе некоего сознания, благоприятствующего либерализму, а также самого либерализма как универсальной идеологии, теоретическая истинность положений которого абсолютна, а их улучшение или совершенствование невозможно. Во-вторых, “конец истории” – это широкое распространение в настоящий момент западной потребительской культуры и западной культуры в целом. В-третьих, этот процесс является частью неоспоримой победы экономического либерализма вообще и ведет к ней как составной части “конца истории”. В-четвертых, победа экономического либерализма

обуславливает и победу либерализма политического: “Политический либерализм идет вслед за либерализмом экономическим – медленнее, чем многие надеялись, однако, по-видимому, *неотвратимо* (курс. мой. – В.К.)” [1, с. 141]. В-пятых, “конец истории” – это победа капитализма. Э.Гидденс, раскрывая сущность идей Фукуямы, пишет: “Фукуяма утверждает, что идеологические битвы прошлых времен окончены. Конец истории – это конец альтернатив... Капитализм победил в своей долгой битве с социализмом” [2, с. 377]. В-шестых, “конец истории” означает перестройку всей системы международных отношений. В-седьмых, “конец истории” – это триумф Запада. Фукуяма рассматривает Запад как некую единую целостность. Он не видит между его странами каких-либо существенных различий, идеологических, политических и даже социокультурных, а главное – не видит различий экономических интересов, существующей между ними экономической конкуренции, экономической борьбы, экономического конфликта. Если же видит, то не придает им значимости, возможно, считая их второстепенными, временными, случайными. В-восьмых, наступивший конец истории делит современный мир на две части. Одна из них будет принадлежать истории, другая – пост-истории, они будут иметь совершенно разные социальные качества, характеристики и особенности. Собственно, и всю эволюцию человечества можно также разделить на два временных периода: собственно историю и постисторию.

История. Основное внимание Фукуяма уделяет XX веку, в течение которого либерализму как идеологии и как политическому движению пришлось последовательно бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом, потом с фашизмом и, “наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны” [1, с. 134]. Однако главных вызовов либерализ-

му, воплощенных в “значимых социальных и политических силах и движениях” [1, с. 139], являющихся частью мировой истории, было два – фашизм и коммунизм.

Фашизм исходил из того, что противоречия либерализма, политическая слабость Запада, его моральное разложение не могли быть устранены в его рамках. Для этого необходимо сильное государство и “новый человек”, “опирающийся на идею национальной исключительности” [1, с. 139]. Но фашизм был сокрушен мировой войной. Это было не просто материальное поражение, но и поражение идеи. Более того, “экспансионистский ультра национализм, обещая бесконечные конфликты и в конечном итоге военную катастрофу, лишился всякой привлекательности... эта идеология погибла не только материально, но и на уровне сознания” [1, с. 140].

Более серьезным вызовом либерализму был коммунизм как вторая великая альтернатива. С точки зрения марксизма, либеральному обществу присуще неразрешимое фундаментальное противоречие между трудом и капиталом. Однако Фукуяма утверждает: “Классовый вопрос успешно решен Западом. Современный американский эгалитаризм и представляет собой то бесклассовое общество, которое провидел Маркс. Это не означает, что в Соединенных Штатах нет богатых и бедных или что разрыв между ними в последние годы не увеличился. Однако корни экономического неравенства – не в правовой и социальной структуре нашего общества, которое остается фундаментально эгалитарным и умеренно перераспределительным; дело скорее в культурных и социальных характеристиках составляющих его групп, доставшихся по наследству от прошлого” [1, с. 140]. То есть уже в период истории классовый вопрос отошел на второй план, потерял свою актуальность, значимость и привлекательность.

Постистория. В этот период в некоторых странах останутся отдельные правоверные марксисты, но ни у одного крупного государства как целостного социального инсти-

тута эта идеология не останется на вооружении, она потерпела крах.

В период постистории нет никакой необходимости, чтобы все общества и государства были либеральными, достаточно, “чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития” [1, с.144].

Это будет период деидеологизированного мира. Поэтому актуализируются “неореалистические” теории, в которых утверждается, что идеологии были лишь прикрытием для великодержавных интересов тех или иных государств и что именно последние служат причиной достаточно высокого уровня соперничества и конфликтов между нациями. Кроме того, в период постистории “соперничество и конфликты продолжатся в том виде, как это было” в XX в. [1, с. 146].

Уже после поражения фашистской Германии законность каких-либо территориальных захватов была дискредитирована, а модель великодержавного поведения, характерная для XIX века, стала настоящим анахронизмом. “Международная жизнь в той части мира, которая достигла конца истории, в гораздо большей степени занята экономикой, а не политикой или военной стратегией” [1, с. 146], – считал Фукуяма. Если же всерьез исходить из неореалистических теорий, утверждал он, то есть из “естественного” в духе соперничества поведения стран Запада, то следует предположить, что Германия и Франция, оглядываясь друг на друга, будут вооружаться, как это они делали в тридцатые годы XX в. Собственно, и “предположение, что Россия, отказавшись от экспансионистской коммунистической идеологии, начнет опять с того, на чем остановилась перед большевистской революцией, просто курьезно” [1, с. 147].

Исчезновение марксизма-ленинизма в Китае и Советском Союзе будет означать крах его как жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение, потерю

им своей претензии на авангардную роль в истории. Вследствие чего будет происходить расширение “общего рынка” (политического) в международных отношениях, в мировой политике и в мире в целом, а это “снизит вероятность серьезного межгосударственного конфликта” [1, с. 148].

Вместе с тем международные конфликты не исчезнут вообще. Постисторический мир будет разделен на две части (истории и постистории) и конфликты в нем будут вполне возможны. Возможен будет конфликт: а) между историческими государствами; б) между историческими и постисторическими странами. Эти конфликты могут происходить на этнической или националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире, в них сохранится высокий уровень насилия, который может даже возрасти. Конфликты этих типов (“а” и “б”) могут происходить, например, в форме терроризма или национально-освободительных войн; в) возможны и конфликты между постисторическими государствами на основе их ностальгии по истории в форме “несерьезного” конфликта, а также соперничество (конфликт) между ними по поводу решения “приземленных экономических и технических проблем” [цит. по 3, с. 30]. Но не возможны “серьезные конфликты” между государствами, находящимися в рамках постистории, “для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся *в рамках истории*; а они-то как раз и уходят с исторической сцены” [1, с. 148].

Концепция “конца истории” Фукуямы была подвергнута серьезной и широкой критике на Западе. Хантингтон, например, отнес ее к группе концепций, обозначенной им как парадигма “гармоничного мира”. Раскрывая ее сущность, он писал: “Одна широко озвученная парадигма была основана на предпосылке, что конец “холодной войны” означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармо-

ничного мира. Наиболее широко обсуждаемая формулировка этой модели – тезис о “конце истории”, выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой» [3, с. 30]. С точки зрения Хантингтона, эта парадигма представляет собой не что иное, как “предвкушение эйфории”, породившей иллюзию гармонии, которая вскоре развеялась. С одной стороны, в мире стали происходить многочисленные кровавые этнические конфликты (“этнические чистки”) и “за пять лет после падения Берлинской стены слово “геноцид” слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет “холодной войны” [4, с. 32]. С другой стороны и США, и ООН оказались неспособны подавить или хотя бы локализовать эти кровавые региональные конфликты. Кроме того, в мире происходит возрождение некоммунистических и нефашистских движений, интенсификация религиозного фундаментализма, завершается период “дипломатии улыбок” и “политики “да” со стороны России в ее отношениях с Западом. Поэтому, делает вывод Хантингтон, “парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы быть полезным ориентиром в мире после “холодной войны” [3, с. 32]. Данное заключение относится и к концепции Фукуямы.

Валлерстайн, в свою очередь, утверждает: “Разрушение Берлинской стены и последующий развал СССР были с радостью встречены как падение коммунистических режимов и крах марксизма-ленинизма – одной из идеологических сил современного мира. Очевидно, так оно и есть. Эти события также отмечались как окончательная победа идеологии либерализма. Такое утверждение означает совершенно неверное восприятие действительности. Со всем наоборот, именно эти события *еще в большей степени* свидетельствовали о крахе либерализма и решительном вступлении мира в эпоху “после либерализма” [4, с. 5]. Точка зрения Валлерстайна интересна и важна тем, что она совершенно противоположна взгляду Фукуямы относительно перспектив существования, функционирования

и роли либерализма в настоящее время. Кроме того, сравнивая их подходы к оценке либерализма, можно предположить или вообще сделать вывод о том, что они пишут о разных либерализмах, что они понимают под либерализмом совершенно разные идеолого-теоретические конструкции.

Приведенные точки зрения и оценки концепции Фукуямы помогают понять ее содержание, дают представление о том, как она воспринималась на Западе, вскрывают ее слабые места и недостатки.

Следует также отметить, что в Советском Союзе статья Фукуямы была подвергнута сразу же после ее опубликования весьма существенной критике. Так, Ю.Замошкин в своей статье “Конец истории”: идеологизм и реализм” (1990) подмечал: “Настойчивое использование Ф.Фукуямой термина “либерализм”, как я полагаю, нуждается в расшифровке и конкретизации” [5, с. 149]. Необходимо изложение содержания того, что реально стоит или скрывается за этим термином, того, что понимается под ним автором. Либерализм, по Замошкину, претерпел с момента своего возникновения определенную эволюцию, он качественно изменился. Эта эволюция либерализма, качественное изменение ряда основных идей расколола его на “старый” и “новый” либерализм, а также породила множество промежуточных форм. “Старый” либерализм, базирующийся на своих традиционных идеях, идеалах и принципах, то есть классический либерализм XVIII века в настоящее время все чаще обозначает себя как консерватизм или неолиберализм.

Данная ситуация, определенная путаница между терминами, их наложение и совмещение, породила все более утверждающееся мнение, “согласно которому богатство и разнообразие современной мысли уже не может быть адекватно выражено ранее укоренившимися терминами: “либерализм”, “социал-демократизм”, “социализм”, “кон-

серватизм”, “христианская демократия” и т.п. К сожалению, этому совсем не случайному обстоятельству Фукуяма не придает должного значения и речь ведет лишь о либерализме” [2, с. 151].

С данной мыслью Замошкина вряд ли можно согласиться, так как у Фукуямы речь идет о старом либерализме (консерватизме, неолиберализме). То есть в целом можно сказать, что для концепции Фукуямы характерно отрицание им регулирующей роли государства в экономике, включая финансовую сферу, а также отрицание социальных функций общества и государства по защите прав и интересов групп населения, находящихся в наиболее трудном положении. В более широком плане в концепции Фукуямы, вообще отрицается социальная функция государства, то есть необходимость его деятельности в сферах образования, медицины, градостроительства, экологии и т.д.

Необходимо, вероятно, еще раз подчеркнуть, что под либерализмом Фукуяма скорее понимал современный неолиберализм или консерватизм и пишет именно о нем, а сам он занимал позиции неолиберала или консерватора.

Отмеченная Хантингтоном эйфория и иллюзорность концепции Фукуямы проявилась не только в оценке им значимости и роли либерализма (консерватизма), но и в его подходе к решению других проблем, в частности, к определению им роли в современном мире Запада. С его точки зрения, период завершения истории и начала постистории представляет собой некую единую однородную целостность, состоящую из совокупности государств с универсальной западной либеральной демократией как окончательной формой правления в политической сфере.

Фукуяма и критикует “неореалистическую” теорию именно за то, что она ставит под сомнение единство Запада, исходит из того, что у западных стран могут быть и есть конкурирующие интересы, что их “естественное” по-

ведение, особенно в сфере экономики, выстраивается в духе соперничества (конфликта), а не сотрудничества. Даже если Фукуяма и отмечал некоторые различия между Соединенными Штатами и Западной Европой, то считал их второстепенными. Он недооценивает то обстоятельство, что единство Запада в период истории (“холодной войны”), в первую очередь политическое, было обусловлено совместным противостоянием стран североатлантического мира “восточному блоку”. Но и это “единство” было относительно, так как страны Европы по отношению к США выступали не как равноправные партнеры, а как младшие по своей значимости союзники, если не вообще сателлиты. В сфере же экономики, конкуренции в условиях рынка и различия материальных интересов говорить о единстве и целостности Запада вообще проблематично. Подход Фукуямы к глобальной международной обстановке в мире представлял собой преувеличенную оценку (эйфорию и иллюзию) единства Запада, его роли в мире в целом и роли США как мирового гегемона.

Однако наиболее существенным недостатком концепции Фукуямы была ее методологическая база. Он, по существу, исходил из уже устаревшей в то время так называемой прогрессистской парадигмы. Наиболее ярко это проявляется в его утверждениях об *отсутствии альтернатив* либерализму, общечеловеческому государству, западной либеральной демократии, о самом “конце истории”, вследствие чего отсутствует и какой-либо выбор у социального субъекта, а также в утверждениях о *универсализации* демократии как окончательной формы правления, о *неотвратимости* победы политического либерализма и т. д.

Фукуяма признает, что идея о конце истории не является оригинальной, что она уже присутствовала в работах Гегеля и является одной из основ историцизма последнего, согласно которому история управляется особыми историческими или эволюционными законами, а открытие их

дает возможность пророчествовать о predetermined человеку судьбе. Историзм, в свою очередь, является одной из основ прогрессивной парадигмы, для которой характерны панрационализм, универсализм, линейность, одномерность, последовательность, направленность изменений, predeterminedность, жесткий детерминизм и ряд других черт.

В заключение следует отметить, что значимость и актуальность для настоящего времени статьи Фукуямы обусловлена тем, что ее содержание дает понять основы и причины раскола Запада (например, односторонность принятия решений Соединенными Штатами), причины начавшейся борьбы между либерализмом и консерватизмом (неолиберализмом), политическая и экономическая реализация идей которого обусловила возникновение настоящего (в наши дни) глобального экономического и в первую очередь финансового кризиса (например, свободный нерегулируемый поток неконтролируемого капитала), особенностей преломления общего мирового кризиса в Украине (в частности, влияния западной культуры потребления, реализуемого населением посредством неумеренного кредитования).

Сегодня Фукуяма резко критикует основные положения неолиберализма (в том числе и ряд идей, изложенных им самим в рассмотренной выше концепции), а также попытки их реализации в международной политике.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
2. Гидденс Э. Социология. – М., 2005.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
4. Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003.
5. Замошкин Ю.А. «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 148–155.